

«...Надо отвечать»

В эти предъюбилейные дни наш корреспондент взял интервью у главного режиссера театра кукол «Золотой ключик» Маркса Александровича КОЙФМАНА.

Вопрос: Только что читатели-зрители прочли актерские портреты... А почему портретов актеров только четыре, другим не будет обидно?

Ответ: Конечно, обидно... Размер этой юбилейной публикации не позволяет поместить портреты всех актеров, да ведь не только актерам обидно... А кто замолвит слово о главном художнике, о бутафоре, о закройщице-портнихе, о художнике-исполнителе, о столяре-механике, о завпосте, о педагоге театра, о технических служащих, о звукорежиссере, о художнике по свету, об администраторе, о машинистах, о кассире? (Никого не забыл?). Большинство из них совершают подвиг, работая в плохих условиях. Это не высокопарные комплименты. Это так.

В: Прости, перебую... Ты считаешь, что театру мало уделяют внимания?

О: Конечно! Дело же не в том, что театр имеет полные залы любящего зрителя, а в том, что город уже долгие годы относится к театру только потребительски, похваливая и не давая возможности умереть, но и не создавая условий для полноценной творческой жизни...

В: Ты ведь работаешь здесь чуть больше года, а судишь о долгом прошлом.

О: У меня есть право профессиональной оценки условий жизни театра в городе. Это обязывает меня бороться за улучшение этих условий. Ведь театр умирает, если о нем не заботится город. Это аксиома. Придя в театр год с небольшим тому назад, я застал «допотопную» световую и звуковую технику, низкий уровень машинерии в цехах и на сцене, а главное — ужасное, непригодное здание театра, где плохо каждому работнику и всем зрителям!

В этом помещении нет места нормальному театральному мышлению, зато есть некий взаимообман: зрители приходят в якобы театр, который на самом деле театром не является, а театр из всех силочек стремится быть Театром (с большой буквы), хотя в этих условиях быть таковым, мягко говоря, трудно... А если прямо, то скажу так: каждый город имеет в конечном счете такой театр, какого достоин. 25 лет театру! Достаточный срок, чтобы театр имел право предъявить городу счет. Да, да, счет. Пусть разговор о театре кукол пойдет по большому и честному счету. Театр никогда не хотел и не хочет обкрадывать своего зрителя в художественном отношении. Театр хочет и не может работать лучше...

В: Понимаю, тебе нелегко работать в таком помещении...

О: Меньше всего я сейчас говорю о себе... Я веду речь главным образом о людях, отдавших театру самую лучшую часть жизни, самую творчески активную... Видя нормальные сцены театров таких же городов, как наш, они чуть не плачут от зависти... На таких сценах наши малюсенькие спектакли кажутся просто убогими

карликами... Ой, давай закончим об этом. Сегодня так раздражает всех общее недовольство, так мало людей, кто верит, что словом можно чего-то добиться... Давай о чем-нибудь хорошем...

В: Давай... А что хорошего, товарищ главреж?

О: Вот. Сразу веселее стало разговаривать. А то хорошее, что все эти годы театр пытался (по мере возможностей своих) как-то разнообразить приемы, знакомить зрителя с разными видами театральных кукол, а сейчас ищет современные пьесы и их трактовки, расширяет тематику, успешно гастролирует, даже добился успеха на фестивале...

В: Расскажи чуть подробнее, когда, где?..

О: На втором зональном фестивале театров кукол в г. Томске 5—11 сентября спектакль нашего театра «Снежный цветок» и исполнительница главной роли в нем Ирина Тарадыменко получили диплом лауреатов-победителей. Награжден дипломом и актер нашего театра Сергей Прокопенко! В предъюбилейные дни это особенно приятно.

В: А какой вопрос ты хотел бы сейчас услышать?

О: Такой: что для тебя театр сегодня?

В: Так отвечай.

О: Итак, театр сегодня — это, по-моему, модель жизни, где человечество ведет вечный эксперимент с целью получения ответа на вопрос «Как жить?». Думается, что обществу нужен только такой театр, который отвечает на этот вопрос, причем, не готовой формулой, а так моделируя действие на сцене, чтобы зритель сам открывал истины реальной жизни.

Такой театр и, как мне кажется, только такой — нужен! Сейчас многие говорят о деидеологизации, деполитизации искусства, особенно для детей, забывая о том, что именно в Театре кукол рождается активная гражданская позиция маленького человека. Это же чистая политика! Убери это из театра и останется только познавательность и развлекательность. «Развлекая, поучай!»? Поучать не надо, но надо учить.

В: Ты все время так заостряешь актуальность... Ведь сказки о Вечном, о непреходящих ценностях. Они же, если можно так, дальнобойны...

О: Главный вопрос, что сегодня сохранить из огромнейшего запаса духовных ценностей человечества. Выбор-то происходит сегодня! Сказок миллионы, сказки — они разные... Все не сыграть! Мы можем показать только четыре новых сказки в год! Значит, наш маленький горожанин за все свое детство посмотрит у нас всего 15—20 спектаклей. А какую-то сказку мы не поставили, и... (не дай Господи) брат встал войной на брата... Тогда поздно будет играть эту сказку... Вину за эту братоубийственную войну театр с себя не смоет. Никогда!

Сказки о вечном? Хорошо, давай сейчас поставим «Золушку». С ее андерсеновской моралью о долготерпении, о том, что смирение вознаграждается. Нужно? Может быть, и нужно, но мы выбрали сегодня «Ивана-царевича и Серого Волка», о том, что Добро нельзя совершить, нарушая вечные добрые заповеди

предков. Если хочешь, это чистой воды политика: о целях и средствах их достижения. Нужно? Как пить и есть! Сегодняшние наши зрители через 5—8 лет будут активными членами общества. Будут добиваться чего-то в жизни. Чего? Как будут добиваться, разумом или разбоем? Я-то думаю, что наши спектакли и дальнобойны и «средней дальности». И мы обязаны «предугадать, чем наше слово отзовется...».

В: Слушая тебя, мне кажется, ты ориентируешься на понимание взрослыми, а ведь ты режиссер детского театра.

О: Мы с великими трудами, но ищем и зрителя старшего, и взрослого, такие спектакли уже есть. И скажи, а с какого возраста надо начинать говорить с ребенком о главном: о Жизни и Смерти, о Добре и Зле, о Любви и Ненависти, о Родине и Чужбине, о Единстве и Войне? Другое дело — КАК говорить! Дети живут ту же самую жизнь, что и мы. Они ее видят, как бы мы ни старались оградить или, точнее, загородить... Если мы на все детские вопросы к сегодняшней жизни не ответим ПРАВДОЙ, то обязательно найдется тот, кто ответит ложью... Ясно до очевидности, что надо говорить ребенку правду о главном, конечно, доступным ему языком, но нельзя ни малышей, ни подростков кормить «манной кашей» известных им истин. Это мое кредо!

В: Тебе не мешает в работе твоя бывшая профессия актера? Мне кажется, прости, что ты сейчас немного играешь в режиссера-мэтра, когда отвечаешь на мои вопросы...

О: Профессия актера у меня не бывшая. Я люблю играть и сейчас. Не мешает ли? Иногда затрудняет терпеливость, так и подмывает побегать на сцену и сыграть то, что не получается... Но этого нельзя делать! Актер, сам открывший истину, легко и с удовольствием отдаст ее потом зрителям. Только надо помочь ему, а не мешать, вмешиваясь руками или унижающей подсказкой. Тут приемлемо одно — совет, да и то своевременный.

В: Как ты оцениваешь свои возможности в искусстве?

О: В театре оценка — прерогатива зрителя. А художник обязан точно знать степень своей необходимости. Я думаю, что нужен театру и зрителю... пока... Парадокс счастья художника: он мечтает быть нужным всегда и мечтает о том, чтоб зритель стал умней его, т. е. о своей ненужности. Но это мечта...

В: Но ты-то веришь в ее исполнение?

О: Нет, я не обольщаюсь, что театр в одночасье после какого-то шедевра выпустит из своего зала в жизнь совершенного человека. Но если в человека с умом вложить деньги через культуру (в широком понимании), то человек вернет не только деньги, но и прибавочно иной, более высокий уровень всей жизни... А в культуру мы, видимо, сможем вложить деньги только тогда, когда уже разбогатеем. А богатства без культуры не будет... Я где-то слышал эту сказку о белом бычке. А если без сказок, то это обязательно будет... когда-нибудь... и у нас... в городе... А сейчас? Ну что бы я лично делал, если бы был уже не нужен?

В: Слушай, а если твои ответы сочтут неискренними?

О: Их же легко проверить на спектаклях, которые я ставил, в репетиции, в жизни, в конце концов... Я ведь никого не убеждаю, я говорю все это затем, чтобы взрослые и их дети решили для себя, стоит ли им продолжать разговор со мной, приходя к нам в театр на мои спектакли. Если там я не отвечу на их вопросы, тогда будем разговаривать с главрежем «по-другому и в другом месте»...

В: Ну и шуточки у тебя... Последний вопрос. Что ты себе пожелал бы?

О: Желаю с людьми идти по пути от «ненависти к любви», а не обратным путем... Так тяжело разочаровываться...

А больше всего желаю, чтобы наш Театр был нужен, чтобы Театр был с большой буквы. А предел моих желаний то, что Театр сказал бы: «это Мой режиссер!», а я ответил бы: «Это мой Театр, потому что у нас душ — родство, а кровообращение — одно!».

В: Спасибо!

О: За «спасибо» не отбудешь, гонорар — на юбилейный стол...

Койфман М. «...Надо отвечать» : в эти предъюбилейные дни наш корреспондент взял интервью у главного режиссера театра кукол «Золотой ключик» Маркса Александровича Койфмана / М. Койфман // Город и горожане. - 1990. - 16 нояб. - С. 3. - Рубр.: Театру кукол «Золотой ключик» - 25 лет!.